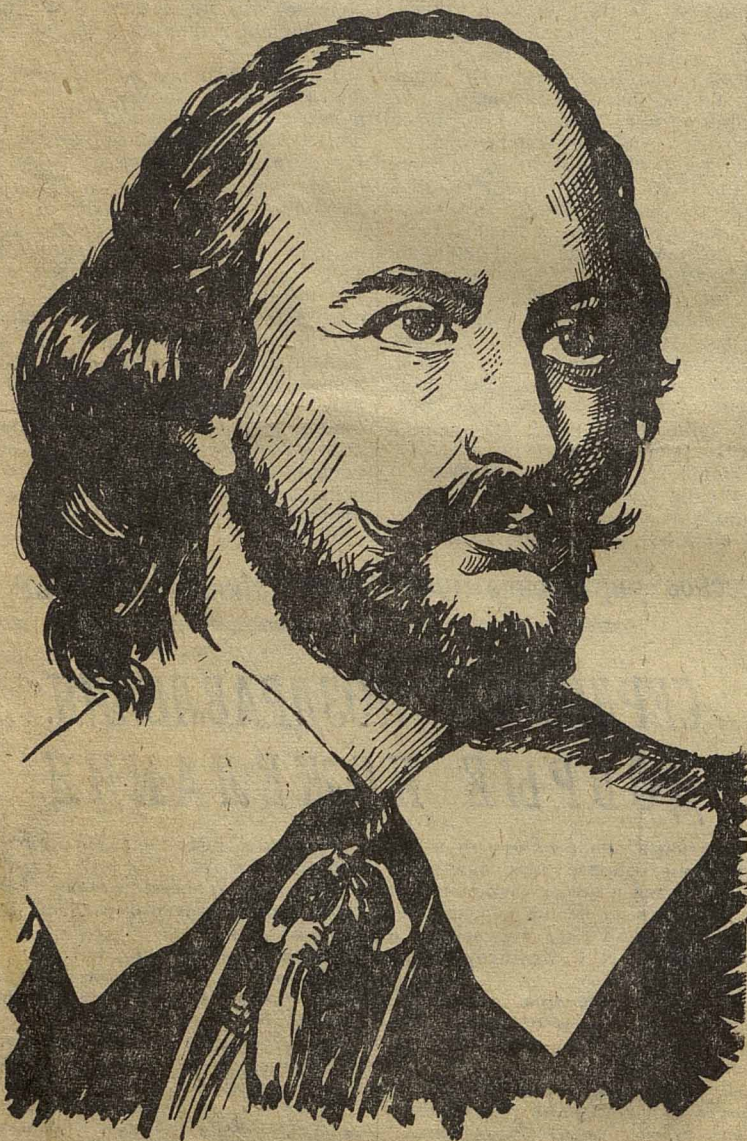

К 400-летию
со дня рождения

ШЕКСПИР — НАШ СОВРЕМЕННИК

Для каждой эпохи Шекспир—это великий поэт и драматург, чьи пьесы отвечают глубочайшим требованиям времени, а его тончайшая любовная и философская лирика—на-сущным эстетическим запросам все новых и новых поколений. Бессмертные творения Шекспира учат нас чувствовать красоту жизни, верить в человека.

Если мы обращаемся к Шекспиру и сейчас, на уровне вершин культуры своего народа, на уровне всей современной культуры, то это значит, что шекспировские трагедии, комедии и лирика становятся неотъемлемой частью национальной культуры того народа, на чьем языке они зазвучали. Вступая вслед за переводчиком на тропу, по которой прошел гений, мы обогащаемся духовно и в известной степени приобретаем к самому процессу творческого созидания, так как восприятие художественного произведения есть непрерывная часть и эстетического процесса, требующая духовной активности читателя.

В поэтическом творчестве Шекспира с наибольшей полнотой выражается дух целого народа—своеобразие его исторического и культурного развития, его психического склада. Понять поэзию другого народа—значит понять другой национальный характер, эмоциональный мир другой культуры. Эту задачу призван выполнить художественный перевод. Поэт-переводчик выбирает себе писателей, как друзей, по сердцу и духу, он в «одиночку», в полупрозрачный час решает эту трудную задачу, соперничая с ними всякий раз».

Советские люди любят и почитают великого английского писателя. Его книги в нашей стране изданы более чем в пяти миллионах экземпляров на 28 языках народов СССР.

В нашей республике освоение творчества Шекспира началось сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции. В 20-х и 30-х годах в республикан-

ских литературно-художественных журналах, альманахах и отдельных сборниках стали появляться переводы шекспировских произведений и отрывки из его пьес на белорусском языке. Такие белорусские поэты, как Гаврук, Дубовка, старались донести белорусскому читателю великие творения Шекспира во всей их красоте и значимости.

В 1935 году Белорусским государственным издательством в Минске был выпущен первым изданием «Гамлет» в переводе Ю. Гаврука.

В начале 40-х годов по инициативе коллективов театров республики, проявлявших все больший и больший интерес к Шекспиру, в творческую работу над переводами шекспировских пьес постепенно включаются многие белорусские писатели. Народный поэт республики, драматург и сатирик К. К. Крапива берется за перевод «Ромео и Джульетты». Вслед за ним над переводами трагедий Шекспира начинают трудиться известный драматург и литературовед В. Вольский, а также ряд молодых поэтов и драматургов—выпускников белорусских вузов.

Живой интерес белорусских литераторов к творчеству В. Шекспира особенно возрос в послевоенное время. В 1954 году Госиздат БССР смог выпустить однотомник избранных произведений великого английского драматурга. Его выдающиеся произведения—трагедии «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло», «Макбет» и «Король Лир», в которых драматург поднимает самые жгучие вопросы современной ему исторической действительности, зазвучали по-белорусски в переводах К. Крапивы, В. и А. Вольских, Ю. Гаврука, В. Шаховца и моих.

В последние годы и особенно в этом, «шекспировском году» появились новые белорусские переводы комедий Шекспира—«Двух веронцев», (переводчик А. Звонак), «Конец—делу венец» (переводчик Ю. Гаврук) и «Укрощение строп-

вой» в моем переводе. Событием в культурной жизни республики явится также выход из печати к юбилейной дате и нового, исправленного перевода «Гамлета», принадлежащего Ю. Гавруку, а также книги сонетов Шекспира в переводах старейшего белорусского поэта В. Дубовки.

Встреча каждого переводчика с Шекспиром—это поистине счастье для литератора, ибо, по образному сравнению одного из английских исследователей Шекспира, будь переводчик «хоть самой маленькой и незаметной звездочкой, соприкоснувшись со звездой первой величины, и ему посчастливится блеснуть хоть отраженным светом великого светила».

Эмоциональнейший и богатейший язык Шекспира-драматурга воздействует не только глубиной мысли и яркостью поэтических средств—эпитетов, метафор и сравнений, но и разнообразием интонаций живой, разговорной речи. Передать все это средствами своего родного языка—основная задача переводчика.

В трагедии «Ромео и Джульетта» у Шекспира Ромео в своем признании в любви к Джульетте клянется «благодатным лунным светом, который белизною весь сад обрызгал». Народный поэт республики К. Крапива переводит:

Клянуся гэтым месяцам святым,
Што серабром абліў вяршыні

И это наше «што серабром абліў вяршыні дрэў» — великолепно! Это интонация Ромео, какой ее услышал переводчик, и это та точная картина лунной ночи в саду, где не вообще сад, а только вершины его деревьев залиты серебристым лунным светом. Не задаваясь целью дать здесь подробный анализ художественного перевода К. Крапивы, все же необходимо отметить, что он добился в своей работе выдающейся творческой победы. К. Крапива сумел рельефно выделить характерные черты каждого героя и персо-

нажа. Речь действующих лиц течет плавно, то взволнованно-прерывисто, как то и подкашивает внутреннее состояние, чувства самих героев. Нигде она не затянута в узкий корсет фраз-культяпок, нигде нет насилия над белорусским синтаксисом. Обороты речи удобопроизносимы, а стало быть, и театральны, гибки и выразительны и вместе с тем лаконичны. В этом отношении работа К. Крапивы может являться образцом для всех белорусских переводчиков.

В комедиях Шекспира персонажи не только действуют, стараются «себя показать» и «на других посмотреть», но и шутят, балагурят и остроумствуют на каждом шагу. Писатель-переводчик должен с первой же строчки почувствовать себя в самой гуще этой стихии языка с его колоритами и стилем, в стихии ритмики, рифм и созвучий. Такое состояние испытывал я, когда трудился над сценическим вариантом комедии «Укрощение строптивой». Медлительный, плавный ритм комедии, написанной чередующимися стопами пятистопного и шестистопного ямба с перекрестной рифмовкой и только частично «раскованным» белым стихом, придает этому произведению несколько непривычный для нашей поэтики колорит.

Вставал чисто «постановочно-театральный», но вместе с тем и сугубо творческий вопрос—как поступить поэту-переводчику, чтобы «облегчить» темп монологов и вместе с тем и темп хода действий в пьесе, сделать комедийный спектакль более легким (но отнюдь не легковесным!), не растеряв при таком «облегченном» переводе рациональное шекспировское зерно.

Насколько это удалось—не мне судить, но я в своем переводе чуть-чуть изменил размер подлинника, «поджав» местами пятистопный ямб до четырехстопника, столь типичного и апробированного в своей легкости и изяществе в хорошо известных на нашей сцене французских

комедиях типа «Сирано де Бержерак» Эдмона Ростана.

Шекспир, как известно, писал пьесы для подлинного народного по тому времени театра и для большей их доходчивости не только облакал своих героев в одежды современной ему Британии, но и заставлял каждого из них разговаривать своим языком. Его произведения сплошь пересыпаны фрагментами английского фольклора, пословицами и поговорками, местными диалектами. В комедиях Шекспира поговорки и пословицы, афоризмы и крылатые выражения—основная нить повествования, которая непрерывной золотой жилой проходит от первого до последнего действия.

Весь этот золотой фонд оригинала не может не замечать и не учитывать переводчик. Заменяя драгоценности подлинника адекватными находками в родном языке, он при этом облакает перевод не в мертвые маски-букволизмы, а в свои, сходные с шекспировскими, национальные одежды. В отражении мелких деталей подлинника, если они не являются типичным местным колоритом, каждый поэт-переводчик, вероятно, поступает так, как поступил бы переводимый им поэт, если бы он писал на родном языке переводчика.

Произведения Шекспира, получившие широкое звучание на белорусском языке, явились также и большой школой для белорусских поэтов-переводчиков — школой совершенствования их художественного мастерства.

И. СЕМЕЖОН.